

Козырев Матвей Алексеевич

**Днем и ночью. Типы
Замоскворечья**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М33

М33 **Матвей Алексеевич К.**
Днем и ночью. Типы Замоскворечья / Козырев Матвей Алексеевич – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 167 с.

ISBN 978-5-519-89727-3

ISBN 978-5-519-89727-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Тихо и безлюдно, какъ и всегда, благословенное Замоскворѣчье, не смотря на то, что зимній морозный вечерокъ только что спускается на землю. На чистомъ, безоблачномъ небѣ, какъ серебрястый серпъ, плыветъ мѣсяцъ, слабо освѣщая замерзшую, плотно укутанную снѣгомъ, землю.

Второй этажъ дома купца Сафрона Трифоновича Незѣвай-Хватаева, освѣщенный двумя-тремя свѣчами, выглядываетъ полудремящимъ, готовящимся на ночной покой старикомъ.

Задумчиво сидитъ на мягкомъ креслѣ, облокотившись руками на столъ, дебелая, красивая, чернобровая, румяная — кровь съ молокомъ — купчиха, Епихарія Оедуловна Незѣвай-Хватаева.

Хороша и приглядна всякая дебелая купчиха замоскварѣцкая, а Епихарія Оедуловна, кажется, краше ихъ всѣхъ... Не даромъ благовѣрный супругъ ея говаривалъ, что-де коли пойдетъ на *парей* о красотѣ купчихъ замоскварѣцкихъ, то не токмо што за Москвой рѣкой, али къ примѣру въ

Москвѣ, но даже и во всѣхъ Европахъ не сыскать такой крали, какъ его супружница...

Столовая, гдѣ за столомъ сидитъ Епихарія Оедуловна, слабо освѣщается единственной стеариновой свѣчой, вставленной въ подсвѣчникъ „аплике“. Но и при слабомъ освѣщеніи, при первомъ взглядѣ на эту комнату, вошедшій пойметъ, что Незѣвай-Хватаевъ живетъ очень даже на широкую ногу. Стѣны комнаты оклеены яркими обоями съ огромными *пукетами*, какъ поясняетъ самъ Сафронъ Трифоновичъ, въ разговорѣ съ знакомыми. Вдоль стѣнъ смиренно, будто съ какимъ-то подобострастіемъ, выстроились вѣнскіе стулья. Въ простѣнкѣ, между оконъ, съ сибаритствомъ расположился мягкій диванъ, обитый дорогой, темнокрасной матеріей. Потолокъ бьетъ въ глаза неестественной бѣлизной; по угламъ и по срединѣ его видны лѣпныя украшенія „подъ золото“.

Задумчивыя черныя очи Епихаріи Оедуловны какъ-то бессознательно устремлены въ уголъ; мысли ея, видимо, далеки отъ всего, наполняющаго эту комнату. Огромный самоваръ, необходимый атрибутъ купецкаго величія, видимо соскучившись безмолвіемъ домохозяйки, тянетъ безконечную, заунывноплачевную пѣсенку, какъ бы желая промолвить, въ видѣ утѣшенія, своей владѣлицѣ: „да, дескать, скучна ты, скучна до безтолковости, жизнь купецкая“!

— Господи! И гдѣ это онъ только запропастился? вдругъ промолвила Епихарія Оедуловна, быстро вставая съ кресла и направляясь къ двери.

— Марья! крикнула она.

Черезъ минуту въ дверяхъ показалась невзрачная, грязная бабѣнка — кухарка Незѣвай-Хватаевыхъ, чуть ли не полстолѣтія живущая въ ихъ домѣ.

— Молодцы не пришли?

— Только што сію минуту ввалились! прошамкала старуха.

— А самого нѣтъ?

— Нѣтутко, не видать... да должно — скоро-то и ждаты неча...

— Это что такое? Какъ такъ?

— Микита Микитичъ баялъ, што онъ того... да вотъ и Микита Микитичъ: самъ вамъ и разскажетъ, какъ слѣдствуетъ.

Въ комнату вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ за 25, съ свѣтлорусой бородкой, въ длиннополомъ сюртукѣ и въ сапогахъ бураками. Никита Никитичъ — близкій кандидатъ на главнаго прикащика по лавкѣ Незѣвай-Хватаева, торгующаго въ городѣ бумажнымъ товаромъ.

Никита Никитичъ, вошедши въ комнату, какъ истый сынъ Замоскварѣчья, помолился передъ иконами и, подавая хозяйкѣ огромные ключи отъ лавки, поклонился ей, промолвивши:

— Здравствуйте, Епихарія Ѳедуловна!

— Здорово, Никитушка! Садись-ко чай пить... скучно мнѣ одной-то. Гдѣ-же самъ-то запропалъ?

— Плохія дѣла, Епихарія Ѳедуловна, промолвилъ Никита Никитичъ, опускался на стулъ: Сафронъ Трифоновичъ загулили!

Епихарія Ѳедуловна только качнула головой и всплеснула руками.

— Такъ и есть... не даромъ я цѣлыя три noci подрядъ видѣла сны, куда нехорошіе сны!... Марья! добавила она, замѣтивъ, что кухарка продолжала стоять въ дверяхъ: поди, пой молодцовъ чаемъ-то! Назяблись, поди, бѣдняги!

Нехотя повернувшись Марья на мѣстѣ, еще неохотнѣе пошла къ двери, проворчавъ:

— Толстомясая! Жалко дать и послушать... Да все равно, я ужъ слышала... вотъ ужо самъ придетъ, дастъ тебѣ трѣпку!

— Ахъ, батюшки, — ахала Епихарія Ѳедуловна. Вотъ бѣда-то свалилась!... Ужъ буду я теперь снамъ вѣрить, вотъ какъ буду... Что это ему только вздумалось? Одинъ что-ли онъ разрѣшилъ? обратилась она къ отхлебывавшему съ блюдечка чай Никитѣ Никитичу.

— Нѣтъ, не одинъ, — грѣхъ навернулъ одного иногородняго покупателя.

— Ужъ истинно грѣхъ навернулъ!

— Пошли это они въ Бубновъ, чай пить; долго-го-го ходили; пришли оттоль,—ну, ужъ и того...

— Охъ, этотъ Бубновъ... провалиться бы ему!

— Побыли въ лавкѣ недолго; пошли и говорить мнѣ: Никита, лавку запирать меня не ждите,—и ушли.

— Ахъ, онъ, непутевая голова! Въ „Стрѣльнѣ“ теперь, больше и искать негдѣ.

Не долго продолжалось чаепитіе Никиты Никитича.

— Покорноче благодаримъ! промолвилъ онъ, громко закрывая чашку и вставая со стула.

— Пей, Никитушка, еще, — грѣйся!

— Нѣтъ-съ, довольно!

— Пей, не стѣсняйся! Теперь, хошь, хлѣба не ѣшь — все равно: одна цѣна-то!

— Благодарю покорноче: сытъ...

Никита Никитичъ поклонился и вышелъ изъ столовой.

II.

Прошло болѣе получаса по уходѣ Никиты Никитича, а Епихарія Ѳедуловна какъ склонила красивую голову надъ недопитой чашкой чая, такъ и сидеть неподвижно... И чего, чего не передумала за это время Епихарія Ѳедуловна! какихъ, какихъ картинъ не рисовало ей разстроенное вооб-

раженіе, въ ожиданіи нерадостныхъ сценъ, идущихъ рука объ руку съ загуломъ Сафрона Трифоновича...

Каждая картина ясно рисуется передъ Епихаріей Ѳедуловной.

Красива, дебела, румяна,—кровь съ молокомъ—Епихарія Ѳедуловна въ описываемую пору, но ея воображеніе смахнуло съ ея плечъ годковъ десять, и она содрогнулась,—не узнала самое себя: такъ много она измѣнилась! Высокая, стройная красавица, сидитъ она, пышно одѣтая, въ роскошной комнатѣ, залитой огнями: сидитъ и боится свободно дышать, боится отъ ожиданія чего-то новаго, еще неиспытаннаго ея молодымъ дѣвичьимъ сердцемъ. По комнатѣ, вправо и влѣво, суетится-ходитъ добренькое существо, старушка, мать Епихаріи Ѳедуловны, — царство небесное, уже сошедшая въ могилу! Старушка тревожна не менѣе дочери, тоже отъ ожиданія дорогихъ гостей.

— Епихаринька! слышится старческій голосъ: — а ты не очень упадай духомъ-то! Будь посмѣлѣе.

— Маменька, я вѣдь ничего... шепчетъ Епихарія Ѳедуловна.

— Ужъ какой ничего: сидитъ, точно къ смерти приговоренная!... Ну, женихъ, — такъ што изъ того, што женихъ? Онъ такой же человѣкъ... не съѣсть.

— Маменька, да я, право...

— Да ну, тебя!... Чу! кажется, прїѣхали? Пойти встрѣтить.

Въ глазахъ Епихарїи Ѳедуловны все заходило; воображеніе ея не могло создать ни одного цѣльнаго, похожаго на что нибудь, образа. Кругомъ нависъ какой то мракъ. Мысль работала лихорадочно; щеки горѣли неестественнымъ румянцемъ; въ головѣ стучалъ какъ будто молотъ и въ ушахъ отдавались какіе-то несвязные звуки шаговъ: кто-то входилъ по лѣстницѣ.

Но вотъ, звуки шаговъ уже болѣе не слышатся; голова ея въ нормальномъ положеніи, мысль работаетъ какъ и всегда, туманъ разсѣялся, по прежнему свѣтло. Сидитъ она на томъ же стулѣ и даже не одна: рядомъ съ нею, на другомъ стулѣ, сидитъ молодой человѣкъ, съ выющимися кудрями на головѣ и маленькой черноватой бородкой; изъ подъ фалдъ длиннополаго сюртука видны ярко начищенные бураки сапоговъ. И слышитъ Епихарїя Ѳедуловна рѣчи — не заботливой старушки матери, а своего красиваго сосѣда.

— Вы вѣдь за насъ пойдете замужъ, не побрезгуете?

— Я чтожь... какъ маменька, отвѣчаетъ она и чувствуетъ, что отъ чего-то слова застываютъ у ней въ горлѣ.

— Васъ, кажись, Епихарїей Ѳедуловной величаютъ? Такъ-съ?

— Вѣрно-съ!

— А мы, Сафрономъ Трифоновичемъ прозываемся! звонко отчеканивается въ воздухѣ. Епихарія Ѳедуловна молчитъ; да и что она будетъ говорить? Онъ такой бойкій, ловкій на словахъ, а у нея почему-то и слова не вяжутся: съ „чужимъ“ мужчиной она разговариваетъ чуть ли не въ первый разъ въ жизни.

— Книжки вы читаете какія нибудь? звучитъ вопросъ въ ушахъ Епихаріи Ѳедуловны.

— Книжки? Нѣтъ, — я не умѣю читать! сказала Епихарія Ѳедуловна и замѣтила, что лицо ея сосѣда стало какъ будто длиннѣе обыкновеннаго.

— А мы — грамотные: у своего приходскаго дьячка обучались. Вотъ какъ будете [нашей супружницей, и васъ тогда поучимъ, хе, хе, хе!

Епихарія Ѳедуловна вздрогнула всѣмъ корпусомъ. Въ ея ушахъ почему-то нескончаемо долго протянулось: поучимъ! Ей почему то хотѣлось, чтобъ ее ничему не учили... Успокоилась Епихарія Ѳедуловна: нервная дрожь исчезла, а съ ней вмѣстѣ и ея красивый собесѣдникъ. Рядомъ съ ней сидитъ опять старушка-мать и, нѣжно смотря ей въ очи, говоритъ:

— Ну, што, моя красавица, нравится ли тебѣ женишокъ-то? Кажись, ничего, а?

Никогда еще въ жизни не случилось, чтобъ

Епихарія Оедуловна въ чемъ нибудь не соглашалась съ матерью, — такъ и теперь:

— Кажись, ничего...

— То-то я вижу: парень дѣльный.

— Ничего, дѣльный.

— Вотъ, можетъ быть, Богъ дастъ и суженаго... Какъ ты думаешь?

— Што-жъ... только и могла сказать она. Что то яркое блеснуло въ глазахъ Епихаріи Оедуловны, и кругомъ сдѣлалось еще свѣтлѣе. Мысли ея путались, голова горѣла какъ въ огнѣ, справа и слѣва слышалось какое то шушуканье, или какъ будто жужжаніе пчелъ; наболѣвшіе отъ шума уши только и могли разслышать: „Исаіе, ликуй“! Епихарія Оедуловна почувствовала, что сердце ея сжалось, какъ только могло сжаться, очи затуманились и на ея руку, державшую свѣчу, капнуло что-то горячее, влажное...

— Плачетъ, не бываетъ счастіемъ! зажужжало, какъ въ пчелиномъ рою.

Въ глазахъ Епихаріи Оедуловны стало еще туманнѣе, еще мрачнѣе, — выѣстъ съ тѣмъ, какъ свѣтъ исчезъ, смолкъ и шумъ, похожій на пчелиное жужжаніе. Сквозь туманъ видитъ Епихарія Оедуловна, что сидитъ она въ большой, хорошо убранной комнаткѣ. Слезы не капаютъ, а бѣгутъ изъ подъ густыхъ, нависшихъ бровей ея.

— Погубила я тебя, мое сердечушко, за такого

изверга выдавши! дребезжить старческій голосъ старушки-матери, а Епихарія Оедуловна плачетъ и плачетъ.

— Эй вы, народъ! хамово отродье! слышенъ знакомый пьяный голосъ—и лѣвая щека Епихаріи Оедуловны загорѣлась отъ удара крѣпкого мускулистаго кулака.

— Боже мой милостивый, опять! вздохнувши, промолвила она и, откинувшись на спинку кресла, очнулась отъ тяжелаго, грустнаго, кошмаромъ давившаго ее, забытья.

— Епихарія Оедуловна, а Епихарія Оедуловна! промолвила Марья, стоявшая за спинкой кресла.

— Что ты, Марьюшка? спросила Епихарія Оедуловна, окончательно пришедши въ себя.

— Богъ съ вами, матушка,—я ужъ испугалась, живы ли вы: кричала, кричала—не слышите, да и только!

— Забылась я маленько.

— Встаньте, матушка, самъ пріѣхалъ. Вздвигается по лѣстницѣ, ворчитъ, значить—не въ духѣ.

— Эй вы, бабы, живо! слышался голосъ изъ-за двери.

Епихарія Оедуловна вошла въ колею своей обыкновенной жизни...